

Аркадий Макаров
Простор последнего полёта

Книга стихо-творений

Аркадий Макаров
Простор последнего полёта.
Книга стихо-творений

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19273336
ISBN 9785447495961*

Аннотация

Стихи умудрённого годами человека о жизни. Никогда нельзя впадать в уныние – один из величайших грехов мира. Прости, читатель, если не оправдал твоих ожиданий...

Содержание

Судьба поэта	8
Ветер	11
Домой...	12
Грачи прилетели	14
Гость из города	16
Дом у дороги	18
Грустный романс	20
Годы молодые...	21
Осени поздней усталость	23
Дом	25
Встреча с другом	27
Из детства	28
Из юности	29
Иркутская область, станция Мамыр	30
Зимняя ночь	32
Иронические стихи при бессоннице	33
Исповедь хлебороба	35
Спасибо, милая...	36
Боль	38
Был вечер, сиреневый дым...	39
В исходе дня не угадаешь ночи	40
В гостях	41
Дай воды колодезной напиться	42

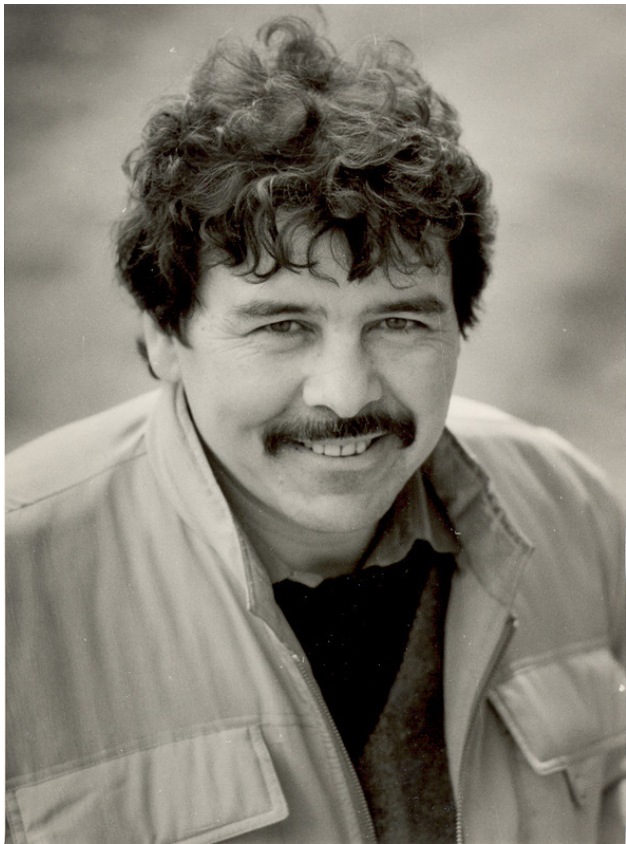
Деревенька Горки	44
Памяти Юрия Баскакова	46
Вечер у реки	47
Тень от облака	49
Будет снег валиться с веток...	51
Всему нахожу оправданье...	52
Воспоминания о первом морозе	53
8 Марта. Женщинам-дорожникам	55
Белый ангел	57
В избе	59
В поле	60
В селе Мельгуны на уборке урожая с учащимися ГПТУ-8	61
Монолог старого сварщика	63
В день пятидесятилетия Бондарской школы	65
«За что ты мне врезалась в память?»	67
Август	68
Кукушкины слёзы	69
Мечта	70
Общежитие на Моршанском шоссе	72
Олегу Алёшину	73
Стихи о Тамбове	75
Утро в городе	77
Бабье лето	79
Ещё раз о Тамбове	81
Велосипедные прогулки	83

«Вечерами сентябрь соломенный...»	85
Командировочные стихи	86
К юбилею Александра Акулинина	88
Ужин комиссара	90
На свадьбе	91
На родине в Бондарях	93
«Не бывает нитки без обрыва...»	97
«Не вечен я и мир не вечен...»	98
Меж селом и городом	100
Отец	101
Отец и сын	102
У колодца	104
Старик	106
Памяти матери	108
Песня о старом доме	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Простор последнего полёта
Книга стихо-творений
Аркадий Васильевич
Макаров

© Аркадий Васильевич Макаров, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Судьба поэта

*Я вернусь в село родное
Всем забытый и чужой...*

1

В лебеде, под ветёлкой горбатой,
Я, раскинув отцовский кожух,
Всё мечтал, что я буду богатым:
Дом построю и сад посажу.

Сам себе нагадал, напророчил.
Ветер в уши судьбу насвистел.
Время вышло, — я школу окончил,
Хлопнул дверью и вдаль посмотрел,

Где шальная пылила дорога
И глаза порошила до слёз.
Потому не увидел я Бога, —
Только две колеи от колёс.

А звезда проносилась по небу,
Рассыпая нездешний огонь.
Но бегущему дню на потребу
Я ударил ладонью в ладонь.

Бить в ладони – ведь тоже работа,
Хоть и звон отдаётся в виске...
Вырос сад – засосало болото.
Дом построил, а он на песке.

2

В красных губах заката
Вечер зажжёт звезду...
Там, где я жил когда-то,
Ветер дудит в дуду.

Вот он летит со склона.
Он мне, как брату рад,
Что я вернулся в лоно,
Что я пришёл назад.

Жестью покрылся ржавой
Лист на пустой меже...
Там, где лежал я в травах,
Осень лежит уже.

Пусто на белом свете.
Пусто в моей душе.
Сказками о лете
Не обмануть уже.

3

Тянет гнилью с глухого болота,
Где до звёзд я дорогу искал...

Осыпает время
Глаз моих позолоту,
Но зато прибавляет
Серебра на висках.

Одуванчики дней улетают.
Летят... Улетают...
Их ветер уносит.
Легче пуха, быстрее стрелы —
Это время моё.
Обнажается суть.
Оглянуться не даст
Ледяная порожняя осень
Сдует звёзды с небес,
Станет снегом дороги стелить.

На дорогу смотри.
И под ноги смотри.
А на небо глазами не пялься,
Если время осталось,
И не болен ещё головой.
Соскользнувшие звёзды
Обожгут твои зябкие пальцы.
А ладонь разожмёшь —
Это капли воды снеговой.

Ветер

*...и ветер нам дует в лицо
из песни*

Ни следа у родимой калитки,
Только лютая суть декабря.
На крутых поворотах до нитки
Ветер века меня обобрал.

Обобрал, обманул, обездолил
Ещё раньше дорогу отцов,
Обольщая высокой звездою,
Дул и дул в молодое лицо.

Подчиняясь горластому кличу,
Шли рядами – и к небу глаза!
Ветер дул, человек обезличил,
Глянул в душу – себя не узнал!

Домой...

Вот птичий крик под горло срежет вечер,
Затихнут избы в синей полумгле...
Здесь каждый камень есть моё отечество
На дедами распаханной земле...

Потянет вновь, как воробья под крышу,
В далёкий мир забытых букварей.
На станции урюмая кассирша
Мне даст билет до родины моей.

И замелькают снежные просторы
Где хорошо и вольно январю...
Где наш петух, позвякивая шпорой,
Мне пропоёт весёлую зарю.

На склоне лет судьбу свою не хая,
Шепча слова забытые молитв,
Опять без сна,
Ворочаясь, вздыхают
В пустой избе родители мои.

И зайчик детства резанёт осколком.
Кто этот дед, стоящий у крыльца?
И почему так сладостно и горько

Под тёплыми ладонями отца.

Грачи прилетели

На стройплощадке утром рано,
Где надрывались тягачи,
Под самой маковкою крана
Гнездо построили грачи.

Имели к людям ли доверье,
То ль осторожность подвела?
Ведь наша стройка – не деревня,
А кран подъёмный – не ветла.

Она, грачиха, виновато
В гнездо уселась, присмирив,
Грач, как монтажник в куртке ватной,
Ходил вразвалку по стреле.

Гремел крылом, как будто спички
В карманах ощупью искал,
Семьи кормилец и добытчик
То прилетал. То улетал.

И я стоял – семьи опора,
Работ монтажных ветеран...
Коль стройка есть, то есть контора,
Ну, а контора пишет план.

Мы план, конечно, перекрыли.
У нас в бригаде каждый спец.
И мы досрочно приступили
К демонтажу подъёмных средств.

К земле средь грохота и гари,
Не зная страха, напролом
Грачиха ринулась, ударив
Меня растрепанным крылом.

И я закрыл лицо руками,
Я царь природы и творец...
Разбился вдребезги о камни
Ротастый розовый птенец.

Гость из города

Вошёл в избу и – горя мало,
Доволен жизнью и судьбой.
А мать растеряно припала
К белёной стенке головой.

Хоронит прядей злую выбель,
Меня перстами осеняя...
И мать-то вроде не в обиде,
Да вот стесняется меня.

Стою в избе. А в горле суше...
Ладони стали тяжелей...
Сломались ходики с кукушкой
Над фотографией моей.

И никуда уже не деться.
С холщёвой сумкой на плече
Кричит мальчишка мне из детства:
«А вы тут, дяденька, зачем?»

Какие ж здесь слова и речи.
Молчу я, голову склоня.
Остановилась мать у печки,
У негасимого огня.

Дом у дороги

...и палисадник под окном, и дом, и лук на грядках
А. Твардовский

Бьют житейские волны накатом,
То штормит непогода, то штиль.
Старый тополь над крышей покатою
Парус лета уже распустил.

Солнце греет сосновые стены
И карниз с кружевною каймой.
Опадает черёмухи пена
За его невысокой кормой.

Отчего же на палубе пусто?
Лишь от облака лёгкая тень...
Сжало грудь невёсёлое чувство
В этот тёплый и радостный день.

Двери в дом перекрещены косо.
Две тесины, два горьких весла...
Где ж твои пассажиры, матросы?
Их, какая волна унесла?

Не боясь ни злодея, ни вора,

В одинокой печали своей
Дом несётся по русским просторам,
Как летучий голландец полей.

Грустный романс

Отпусти эту песню, не трогай,
Не коверкай живые слова.
Видишь – месяц стоит над дорогой.
Слышишь – тянется к звёздам трава.

Отними беспокойные руки
От неверно настроенных струн.
По надеждам моим и по мукам
След упавшей звезды полоснул.

Пролетела звезда и потухла —
Искра Божья у самого лба...
Только вздрогнуло чуткое ухо.
Только крикнула эхом судьба.

Сердце рвётся к родному порогу.
Горькой думой полна голова...
Пусть он встретится, месяц с дорогой,
Но до звёзд не достанет трава.

Годы молодые...

Золотую радость-птицу
По судьбе ищу-свищу:
Спрячу душу в рукавицу,
Иль на волю отпущу.

А на воле ветер в поле!
За рекою – благодать!
Потому и рвутся кони
На тот берег погулять.

Наставляли дом и школа
На великие дела...
Мы увидимся не скоро
Захолустная дыра!

Кровь ударила по жилам.
Зашумело в голове.
И подался я по жизни —
Рупь в кармане два в уме.

Путь накатанный пологий,
Да душа ещё слепа,
Не понять ей, – где дорога,
Где окольная тропа.

Заблудился. Темень пала.
Хлещут ветки по глазам.
Вспомнил – мама причитала:
«Воротись, сынок, назад!»

Оглянулся... Под горою
Избы прячутся в траву...
Как я мог назвать дырою
То, что родиной зову?

Свет прорезал тьму ночную.
Лёг под ноги крест окна...
Дом кричит в трубу печную,
Где ветёлочка одна.

Осени поздней усталость

Доброе что-то случится.
Недоброе – перегорит.
Вечер осенний лучистый
Над родиной малой стоит.

Русским народом любима
За тонкую стать и красу,
Вышла к дороге рябина,
Кисти, держа навису.

С лета ещё наливалась,
Только теперь пролилась
Ягоды спелая малость —
Самая, самая сласть.

Водонапорная башня.
Комплекс колхозный вдали...
Кормилица чёрная пашня,
Милость родимой земли.

Осени поздней усталость.
Листьев осыпанных тлен...
За милость земли и за сладость,
Что предложу я взамен?

Дом

Моя изба. Родительский мой дом,
Да обойдёт тебя моё забвенье!
В конце села за высохшим плетнём
Покой души – моё отдохновенье.

Ты обветшал.
Ты в землю врос корнями.
Уютен мир твой, сумрачен и тих.
Течёт в траву затейливый орнамент
Померкнувших наличников твоих.

Сквозит чердак, набитый воробьями.
Там крепкий дух обкошенных полей...
Твои бы стены оклеил рублями
Заместо старых выцветших шпалер.

Сидит хозяин, хмур и нелюдим,
Под поздним солнцем на завальне горбясь.
Жестока осень! Всё короче дни.
Зову отца, а он не хочет в город.

Впотьмах пошарю в ледяном закуте,
Печь разожгу – дрова мои сухи,
И ты трубою красною закуришь,

Попыхивая в сумерках глухих.

В сей поздний час, висок ладонью стиснув,
Смотрю, как пламя мечется, маня,
Как будто жизнь вся не имела смысла
Без этой вот минуты у огня...

Встреча с другом

Коньячок армянского разлива,
В горнице просторно и светло...
Наливай, мой друг, неторопливо
В золотое тонкое стекло.

Будем пить за лёгкую удачу.
Отдадимся песне и гульбе...
Что ты? Что ты, милый? Я не плачу.
Я смеюсь и радуюсь судьбе.

Наше детство за окном маячит,
За собой таинственно маня...
Я свиданье девочке назначу —
Не узнает женщина меня.

Из детства

Во временах теперь далёких
Был мир расколот пополам,
Когда война гасила окна
И шарил ужас по тылам,
И смерть косой махать устала...
Леса горели и поля.
Родился я.
Земля стонала.
И было ей не до меня.
Но вот, со смертью по соседству,
Плоды грядущего тая,
Раскрыв ладони детских,
Поднялся стебель бытия.

Найду во сне любимой губы.
Жизнь сладкой чашей до краёв...

Полны обугленные срубы
Слезami детства моего.

Из юности

«Пусть с другой несчастным буду!» —
Я расписывался кровью, —
Если я тебя забуду,
Если я тебя не вспомню.

И, когда тот летний вечер
Соловьями заливался.
Я божился дружбой вечной.
Завиток волос смеялся.

Мы вздыхали беспричинно.
Целовались, как умели,
Губы в губы, как учили...
Наши губы занемели.

Только клясться я не буду.
Даже имени не помню.
Если я тебя забуду...
Если я тебя не вспомню...

Иркутская область, станция Мамыр

*...сибирской дальней стороной
из песни*

Вот что-то нашло, набежало,
Наехало – просто невмочь...
Царапают звёзды ежами
Глухую морозную ночь.

И там, средь космической пыли,
Блуждает отчества дым...
Во чреве суровой Сибири
Я снегом скриплю жестяным.

Я голоден, зол, как собака!
С горящим, как факел лицом.
А месяц над крышей барака
Весёлым висит леденцом.

Граница меж светом и тенью —
У каждого свой интерес...
Кромсаю иркутскую землю,
Тяжёлый и горький замес.

Копавшие горы златые,
В бесчестье принявшие смерть,
Шеренгами шли и в затылок
Сюда, в эту мёрзлую твердь.

И слышно, и слышно донине
Сквозь стоны, проклятья и мат
Стучат кулаки ледяные,
Железные цепи гремят.

Зимняя ночь

Как вечер скор,
скажи на милость!
Погас в сугробе окоём...
Улыбкой месяца светилась
Ночь молодая за окном.

И, словно не было разора,
Былая радость ожила.
Ах, вологодские узоры,
Зимы-хозяйки кружева.

Живи сто лет – всё будет мало.
В морозных далях января
Звезда небесная дрожала
То, потухая, то горя.

Казалось, радость беспредельна
На очарованной земле...
Ещё Чернобыльская Скверна
До срока мечется в котле.

Иронические стихи при бессоннице

Как один и тот же клавиш
Бестолково бьёшь и бьёшь,
Ты зачем, собака, лаешь?
Спать народу не даёшь!

Иль житьё тебе не мило?
Иль хозяйский харч – не мёд?
Ночь бугор перевалила,
Скоро солнышко взойдёт.

Не буди народ, собака!
Затвори кусачий рот.
За стеной малыш заплакал,
Он ведь тоже есть – народ.

Он губами ищет мать,
Сорок зорь, как от родин.
А народ – страны держатель,
Не слуга, а господин.

Бьётся лай в проём оконный.
В темноте не разглядеть.
После ночи той бессонной,
Как державою владеть?

Не попутать бы, однако
С явью сон, а с далью близь...
Прикуси язык, собака.
Или костью подавись!

Исповедь хлебороба

Нет, я ничьей не завидовал доле,
Не вылезая из горькой нужды.
Дождик пройдёт и насытится поле.
Хлебному полю слова не нужны.

В клетке грудной беспокойно и тесно.
Сердцу больному кричу: «Отпусти!»
Гляну налево – скорбное место.
Гляну направо – безлюдный пустырь.

Всё б ничего, коль не старые раны,
Долгие ночи, осенняя мгла...
Сын легковесный ушёл за туманом
И обломил молодые крыла.

Старые кости не знают покоя.
Жизнь не отпустит – земля не возьмёт.
Дождик пройдёт и насытится поле.
Поле насытится – колос взойдёт.

Спасибо, милая...

н.

Спасибо, милая, что ты на свете есть.
Хорош сентябрь, да только не зацвествь
Ни бабочке, ни вербе, ни траве...
Лишь паутинки тают в синеве,
Где безрассудной девочкой любим,
Я возносился ветренный, как дым.

Наверное, и я был молодым?..

Венок податливый, татарник в чистом поле,
Мне сладко знать, что я в твоей неволе,
Как маятник в разбуженных часах,
Как поцелуй на скомканных устах,
Как одинокий месяц в небесах.

А ты во мне, любимая, во мне!
Как солнца луч, расколотый в волне.
И свет игрив на той волне случайной,
Как норов твой, весёлый и печальный.

...Вот миг один, – и нет слезы капризней.
О, Господи! Как жжется пламень жизни!

Когда уйду... Когда закрою двери,
Ты не спеши. Я должен быть уверен,
Что над моей закатною звездою
Стоит любовь, хранимая тобою.

Боль

Заживёт не скоро рана.
Рот ладонями зажат.
Две звезды в оконной раме
Неприкаянно дрожат.

Ничего не вижу,
только
Небо низкое у лба.
Будет узел там, где тонко...
Продержись ещё судьба!

Две звезды стоят мигучих, —
Две слезы моих горячих,
Две текучих...

Был вечер, сиреневый дым...

Ну, разве ты всё позабыла?..
Был вечер. Сиреневый дым.
По улицам стоя бродила
Весёлых и молодых

Не шло ещё время на убыль.
Любовь, как и совесть, чиста.
Хмельные и крепкие губы
Твои целовали уста.

С тобою нет, женщина, сладу!
Ладони слезой не пои.
Прислушайся: в зарослях сада
Всё так же поют соловьи.

В исходе дня не угадаешь ночи

В исходе дня не угадаешь ночи,
Но резче тени и слабее зной...
И мы не так уж молоды с тобой,
Но знать о том душа ещё не хочет.

Ещё душа не хочет примириться,
Что смолкнут птицы в голосе твоём,
И нашей жизни светлый окоём
Лучом прощальным тихо озариться.

Осенний вечер выстудит жильё,
И свет задует в маленьком оконце...
Пляши и смейся. Празднуй бытиё.
Ещё не ночь. Ещё не село солнце.

В гостях

Всё дело в щах, салате и гарнире...
И я – в гостях. Ни сват тебе, ни брат.
Лохматый пёс, зубастый пёс-громила
Сидит в углу на страже серебра

Снаружи дождь. Снаружи ветер зябкий
Здесь – благодать! И мне не устоять.
И стол хорош. И молода хозяйка.
И на губах морозец хрусталя.

Диск радиолы бесконечно вертится.
В цветах ковёр персидский на стене.
Не говори о ревности и верности.
Уж очень здесь слова не по цене.

Трубит бесёнок в золотые трубы,
Что, мол, пришёл ты не беседы для...
Да только пёс оскаливает зубы
И, не мигая, смотрит на меня.

Дай воды колодезной напиться

Дай воды колодезной напиться.
Коротка полуденная тень,
Девочка, подросток, выпускница —
Два ведра наполненные всклень.

Я у дома сяду на порожек.
Воробьи купаются в золе.
Глухомань. Зелёный подорожник.
Крепкий дух нагретых тополей.

Что ты?.. Что теребишь руками
Поясок, плетённый у бедра?
Дай припасть горячими губами
К жестяному ободу ведра.

Наклонившись, вижу дорогое,
Там, где дно сужается в кольцо.
Не твоё качается, другое
Временем размытое лицо.

Зубы ломит светлая водица...
С той, другою, был и я знаком.
Девочка... Подросток... Выпускница...
Молоко и мёд под языком.

Деревенька Горки

Вкус полыни горький.
Комариный звон.
Деревенька Горки,
Бондарский район.

На земле покатою
Изб нестройный ряд.
Здесь слова крылаты —
Далеко летят.

Под седлом кубанским,
С гривой в рублях.
Бродит конь цыганский —
Травы на губах.

Там, где ветлы мокнут,
Ты остановись!
В две досочки мостик
Через Ломовис.

Мне поверь на слово:
Горе — не беда,
С берега крутого
Не достанешь дна.

Вон звезда, сгорая,
Падает с высот...
Не ходи по краю —
Речка унесёт.

Памяти Юрия Баскакова

Зарю рассвет не потушил ещё.
Январь идёт в сиянии снегов.
Январь – он молод и розовощёк,
Как юный лейтенант в сиянии погон.
Ах, лейтенант! Девчонки онемели
От синевы твоих бездонных глаз...
Скрипит, скрипит, как кожа портупей,
Снежок вчерашний в этот ранний час.
Упруг твой шаг. А рядом у дороги
Рассыпал кто-то шарики синиц.
Морозец дышит небом и здоровьем
И первую любовью выпускниц.
Наверно, полдень повернёт на ветер...
Но воробей, что соловью родня,
Сидит себе, чирикая на ветке,
Нахохлив перья, у подножья дня.

Вечер у реки

Текла, в камышах поблескивая,
Речка налитая всклень.
Над старым оврагом навесилась
Лиловою тучей сирень.

Сирень осыпала влагу
Иволге на перо,
Птенец от восторга вздрагивал
У матери под крылом.

Ещё, горизонт остужая,
Волну поднимала рожь...
Спокойно, как дачник в пижаме,
На грядках копался дождь.

Но мир стал и чище и шире.
Всё мелочное – улеглось,
И первые звёзды прошили
Зелёные листья насквозь.

Был светел над берегом тополь.
Был птицы гортанный крик...
И выметал месяц в осоку
Желтые зёрна икры.

Тень от облака

В летний полдень, до самых пределов,
Где встречается небо с землёй,
Тень от облака мчалась, летела
И накрыла меня с головой.

Тихий ропот прошёлся по ниве.
Загудели вдали провода.
На излучке, на самом извиве,
Стала тёмною-тёмной вода.

Зашумели деревья угрюмо.
Птица вскрикнула резко и зло.
Невесёлая, горькая дума
Омрачила природы чело.

Только тень пролетела и скрылась,
Птицу, спрятав, притихла листва,
И вода на реке заискрилась,
И у ног распрямилась трава.

Луч на землю упал с небосвода,
Распахнулась небесная высь,
И опять улыбнулась природа,
Отогнав невесёлую мысль.

И на том простор яснее, и на этом берегу...
Нет ягоды краснее, чем рябина на снегу.

Всему нахожу оправдание...

Всему нахожу оправдание:
Что молодость гробя, кружил,
К тебе не ходил на свиданье,
Что песни своей не сложил.

На голос удачи капризной
Кричал желторотым скворцом,
Что лгунию любил больше жизни,
Что дружбу водил с подлецом.

Всему нахожу оправдание...
Вот листья летят мельтеша.
Печальна пора увяданья,
А проситься к свету душа.

Всему нахожу оправдание.

Снежок осыпается ранний,
И тает твой след в белизне...
Скажи, как найти оправданье
Мужской одинокой слезе?!

Воспоминания о первом морозе

Ты помнишь?.. Помнишь – было утро
И солнца красного овал...
Дорожку в сад морозец лютый
Ледком поющим оковал.

В то утро печь топилась жарко.
Душа томила налегке.
И пламя красное дрожало
На золотом половике.

Ты в дверь вошла. И в белом дыме
На молчаливый мой вопрос:
– Мороз на улице, любимый.
Мороз на улице... Мороз.

Соболя шапка пала оземь...
И только выдохнув: «Родна...»
Горели щёки от мороза,
Как от весёлого вина.

Сегодня к ночи заметелит
И загудит в глухом котле...
Как волчья ягода чернеет
Воронья стая на ветле.

8 Марта. Женщинам-дорожникам

Разгребая набухшую вату,
Солнце пляшет. Всё небо в огне.
Отложите кайло и лопату —
Едет праздник на белом коне.

Распрямитесь над скудностью быта,
Поднимите глаза от земли,
Униженья забыв и обиды,
Ледяные ладони зимы.

Чтоб душе и смеялось, и пелось,
Чтобы праздник в груди не погас,
Телогрейки казённую серость
Уберите подальше от глаз.

Бригадир будет в рельсу бабахать,
Изрыгая сивуху и мат...
Вам шелка бы на плечи да бархат,
Да французских духов аромат.

Я хотел бы напомнить особо,
Этот праздник навечно продля...
Вам к лицу чернобурка и соболя...
Только, где они те соболя???

Белый ангел

*Памяти офтальмолога
С. Фёдорова*

Я прошу Тебя, Господи Правый
Пусть я пёс и грехами томим,
Чтоб алмазные крылья расправив,
Он взлетел над сиротством моим,
Белый ангел полдневного света!

В чёрной раме вечерняя дрёма...
Но я жажду и видеть и зреть:
И воздушную кипень черёмух,
И заката горячую медь
В ожиданье грядущего лета.

Прогуляется ливень по чашам,
И в сиянье обрящется гром...
Но в зрачках моих чаще и чаще
Чёрный ангел мигает крылом —
Чёрной бездны слепая примета.

О. Возлюбленный свет мой! О, радость!
О. Весёлого солнца стезя
На искристой, на водной, на глади!

Да сморгнуть чёрный пепел нельзя —
Чёрный ангел перо уронил...

Но над миром алмазы вскрылил
Белый ангел – предвестник рассвета,
В милосердной тиши лазарета,
Где врачуют уставшие вежды
Серафимы в небесных одеждах.

В избе

Здесь тишина закладывает уши.
Листом последним осень отцвела.
Провалом окон смотрит прямо в душу
Опустошённость русского села.

Стою в избе над памятью и болью.
Надежды где? Где молодость? Где мать?
Небритый кактус на окне ладонью
Прощальный луч пытается поймать.

В огне заката неизбежность ночи,
И что ещё грядущее таит?..
Отец, отец, твои глаза пророчат,
Что нам с тобой разлука предстоит.

Ложится в землю медленное солнце.
Ещё мгновенье, и уйдёт навек...
Что смотришь так в померкшее оконце?
О чём молчишь, приезжий человек?

В поле

Ходит-бродит душа на воле.
Думы всякие – о родном...
Как ужаленный, ветер в поле
Закружился – и пыль столбом.

В жизни каждого есть, наверное,
Невесёлая полоса.
Шёл по травам я через тернии.
Ветер к облаку поднялся.

«Вровень будь со мной, что ты маешься
От земли своей на вершок!»
Он просил меня в сотоварищи...
Я в товарищи не пошёл.

Не подняться мне в синь бездонную
Над ветёлкою, над рекой —
У земли моей обездоленной
Притяжение велико.

В селе Мельгуны на уборке урожая с учащимися ГПТУ-8

Шофёр с потухшей папироской,
Небрит, нечёсан и уныл,
Сказал нам:
– Вот район Мордовский
И наш посёлок Мильгуны...

Тянуло гарью от машины.
Тяжёл российский чернозём.
Мы урожай, (за нас решили)
Как есть, до зёрнышка возьмём.

Мне хорошо с таким народом —
Чубы крутые набекрень,
Сидят племянники заводов
И дети русских деревень.

Нам были рады. Избу дали.
В четыре комнаты простор.
Мы с окон доски отодрали
И разместились на постой.

Шумели юные собратья...
И мне ль за это их корить?

Я вышел мыслями собраться
И на крылечке покурить.

Как грустно здесь в такую пору,
Где сердце радости не ждёт!
Одни лишь тучи лезут в гору,
С утра грузёные дождём.

Стоит, привадя птичью стаю,
Клён в придорожном киселе.
И глохнет улица пустая —
Нет молодёжи на селе.

Летят, летят по свету письма.
Сыночка в гости мать зовёт.
А за окном сухие листья
Осенний ветер в клочья рвёт.

О, колеи холодный глянец!
Я вспомнил молодость свою.
Я сын полей, как чужестранец,
В холодных сумерках стою.

Монолог старого сварщика

На лавочке, сидя у дома,
Смотрю на забавы детей...
Я думал, не будет излома
Здоровью и силе моей.

И ловкостью брал я и статью.
Себя и судьбу горячил.
Жёг пальцы расплавленной сталью, —
Огнём электродной свечи.

И ток, до предела врубая,
Я с жизнью налаживал связь.
Смотрели – звезда молодая
В рабочей ладони зажглась!

Мне почестей громких не надо.
В металле отлита строка.
Монтажная знает бригада
Надёжность сварного стыка.

Я думал, не будет износа,
Предела не будет, конца...
Не надо о жизни вопросов!
Он знает. Спросите юнца.

В день пятидесятилетия Бондарской школы

Как пойдёт праздник по нашей улице!
Понаедут студенты.
Генералы,
Инженеры и слесаря...
Там, где нынче под клёнами
Выпускницы до крови целуются,
Попадётся страничка
Позабывтого мной букваря.

Там рассыпаны буквы
Огромные —
Чёрным по белому
И цветные картинки весёлые
Так хороши...
Соберу я по буковкам
И попробую ртом неумелым,
А получится крик,
Заблудившейся в жизни души:
«А-у»!

Ау, моя молодость!
Замыслов смутное время.
Ах, неверной любви

Одинокая в сердце слеза...

Ау! Безотцовщина!

Злое весёлое племя!

...Только нету дороги,

Нету дороги назад.

«За что ты мне врезалась в память?»»

За что ты мне врезалась в память?
Ну, детство.... Ну, школьные дни...
Сними ты с души моей камень!
Закройся! Лицо отверни!

Над каждой дорогою в мире
Есть место счастливой звезде.
Ступай ты, пожалуйста, мимо.
Года, как круги по воде.
Что я тебе, девочка, сделал?!
Обиды и зла не таи.
Ведь вон, сколько зим пролетело.
А ты всё босая стоишь!

Август

Дорога уже не пылила...
Вечерняя дума светла.
Последняя бабочка билась
В теснине двойного стекла.

Заметней вокруг перемены.
Вот лист закружился. И вот...
Милее становятся стены
И сцены семейных хлопот.

Пусть юность давно позабылась.
Мне редкая проседь к лицу...
А бабочка билась и билась,
Златую роняя пыльцу.

Кукушкины слёзы

девочке из ресторана

В игру рисковую играешь...
О чём тут можно толковать!
Не говори, что ты не знаешь,
Какой кукушке куковать.

Какой кукушке в день погожий
Над тем гнездовищем пустым
Кричать, кричать, судьбу итожа,
В осеннем шелесте листвы.

Любовь-каприз, любовь-минутка,
Тебя беда ударит влёт,
И рядом с юной незабудкой
Слеза кукушкина взойдёт.

Мечта

То ль от облака тень серебриться,
То ли сад мой росой напоён...
Что ты ищешь, полночная птица,
Свив гнездо в бедном сердце моём?

Свет везде! Не заслонишь руками:
Светит яблони белый налив,
Светит молодо месяц лукавый,
Ненароком звезду уронив.

Закатилась звезда, потухая,
Оборвав светозарную нить.
Ту звезду ищет птица ночная,
Чтобы в сердце моём поселить.

Полуночные думы отравой
Переполнили сердце и грудь.
Птица канула в горькие травы,
Где звезда мне означила путь.

И теперь, и сегодня, и прежде...
Бьётся птица в порожней траве.
Сколько боли в последней надежде!
Сколько воли в помятом крыле!

Общежитие на Моршанском шоссе

Геннадию Сокрушаеву

Проживал здесь народец отпетый,
Заводской и фабричный народ...
Городская окраина, где ты?
От железных ворот – поворот!

Мне встречаться с тобой расхотелось.
Что ж над памятью сердцем стенать?!
А, бывало, смеялось и пелось
В этих нищих барачных стенах.

Эти стены мне снятся и снятся,
Застят свет, громоздясь по ночам.
Неудачное место для счастья,
Но мы счастливы были и там.

Нипочём не уйти от погони
Тех годов, где твои и мои...
Юность мчится в горящем вагоне,
И нельзя повернуть с колеи.

Олегу Алёшину

Наверно, вызван мой рассказ
Метаморфозами природы...

В краю зимы и непогоды,
Я пересчитываю годы,
И удивляюсь каждый раз.

В рубашке тесной нараспах
С ватагой сверстников отпетых,
Девичьим взглядом обогретый,
И я ходил вначале лета
С улыбкой счастья на губах.

Какие песни я певал!
Нахрапом шёл по бездорожью,
И неземной объятый дрожью,
В груди высокой искру Божью
Я алкоголем заливал.

Какие песни я певал!
Теперь под эти песни плачу,
И запоздалую удачу,
Как от рубля пустую сдачу,
Рукой отчаянно ловлю.

Ещё я женщину люблю,
Как любит птица край обрыва,
Где от воздушного порыва
Она ложиться на крыло.

– Всё суета и ловля ветра! —
Сказал *оттуда* мне отец —
А птица, сын мой, для помёта
И мне открылся, наконец
Простор последнего полёта.

Стихи о Тамбове

На лице азиатская мета,
И славянская грусть на лице.
Пламя белое знойного лета,
Божий храм в золотистом венце.

Погуляет душа на просторе!
Во все стороны синяя гладь...
Далеко тебе, город, до моря,
А до поля – рукою подать.

Ты любовью мне сердце поранил.
Приворотным вином опоил...
Тянут в небо подъёмные краны
Журавлиные шеи свои.

Птицы спрятали в дупла свирели,
И у лета на самом краю
По обычаям русским присели
Перед дальней дорогой на юг.

Я и сам в вайсенфельдских рассветах
О тебе тосковал неспроста
В гимнастёрке защитного цвета
Впереди пограничных застав.

Заиграет гармошка «Страданье»,
Запечалятся волны на Цне...
Ах, какое у речки название,
Словно твой поцелуй в полусне.

Пусть сквозит азиатская мета
На открытом славянском лице...
Белый пламень усталого лета.
Белый храм в неприступном венце.

Утро в городе

Осень поздняя в парках хлопочет,
С каждым днём, становясь, всё щедрей.
Просыпается город рабочий,
Протирая глаза площадей.

Облака над стальной телебашней
Наливаются соком зари...
Ночь уходит по листьям опавшим,
Потушив за собой фонари.

Свет из тьмы бытиё сотворило,
И раздвинулся мир – будь здоров!
Мчит троллейбус, держась за перила
Бесконечных своих проводов.

А по городу, ждущему снега,
Люди шли в предвкушении дел.
Птицы дня окликали их с неба —
В холодном воздухе звук леденел.

Что я птицам прощальным отвечу?
Помашу – вот и весь интерес...
Как по улице, людям навстречу
Пробежала улыбка небес.

Бабье лето

След на болоте лосиный,
Неба высокая синь,
Солнечный трепет осины,
Бабьего лета теплынь.

Поздняя ласка и милость,
Радости чистый родник...
Как же такое случилось,
После дождей затяжных?

Светом объят и покоем
Думаю думы свои.
Видится сквозь золотое
Тёмная зелень хвои.

В душу до самого донца
Чёрная смотрит вода
Лето пройдёт и вернётся, —
Не возвратятся года.

Тихо на солнышке греясь,
Я счастлив случайной строкой,
Всё, на удачу надеясь,
Словно мальчишка, какой.

Ещё раз о Тамбове

Не сказать бы мне лишнее всеу,
Продираясь сквозь уличный шум...
Город мой, я тебя нарисую.
Город мой, я тебя опишу.

Снег ползёт под ногами подталый.
Башни кранов ушли в небеса.
Там, где белые встали кварталы,
Я на стройках горбатился сам.

Только старый мне город роднее,
Он утеха для русской души.
Чья-то юность там новая зреет,
И опять на свиданье спешит.

Не имел я с подонками дело,
Хоть кричал, задыхаясь: «Ура!»
Моё бедное детское тело
Коммунальная грела дыра.

Я молюсь, хоть и это не ново:
«Сохрани, Боже мой, и спаси
Музучилище – гордость Тамбова,
Зоин памятник – гордость Руси».

Где театр изогнулся подковой,
Где есть Дом под чиновную рать,
Чёрный идол на камне суровом
Тщится Бога за бороду взять.

Там, где облак весёлый клубится,
Где Господь указывает перстом,
Небеса перелётные птицы
Над соборным прошили крестом.

Каждый вечер сюда залетая,
С тех краёв, где неведомо зло,
Боборыкина тень золотая
Опускает на город крыло.

Велосипедные прогулки

Плетни, заборы, переулки...
Любовь и молодость при мне.
Велосипедные прогулки
Вдоль по деревне при луне.

И однокласснице не тесно
Между моих весёлых рук,
Той, что теперь уже профессор
Астрономических наук.

Она сидит на жёсткой раме.
Волос – лавина у лица.
И мне не слышно в этой драме
Про Козерога и Тельца.

Вот только – руки на руле.
И ткань тугая на бедре...
И сердце прыгает в груди.
Вся жизнь смеётся впереди.

Ах, эти знаки Зодиака!
Я нажимаю на педаль.
И тень, как чёрная собака,
Бежит за нами по пятам.

«Вечерами сентябрь соломенный...»

Вечерами сентябрь соломенный...

Через речку дощатый мост.

О, автобусы межрайонные,

Как печален ваш бывший лоск!

У дорог, зная, крутые горки.

У шофёров – крутые плечи.

Пахнут шины далёким городом

И асфальтом, и близкой встречей.

Командировочные стихи

ироничное

Сахару... Чаю... Хлеба...
Длинной очереди карусель
Там, где Шуховской башни невод
Звёздных черпает карасей.

Общежития гость случайный
Я брожу по ночной Москве,
Никому – сам себе начальник,
С ветром мартовским в голове.

Сигарета в губах молодки...
Подошёл. А чего терять?
Потихонечку взял под локоть,
Приглашая в Большой театр.

Подняла свои глазки ясные.
Сigaretка в губах дрожит:
– Топай ломом ты подпоясанный
До деревни своей, мужик!

Поперхнувшись, застыл я немо,
И лицом всё краснел, краснел,
Там, где Шуховской башни невод

Звёздных черпает карасей.

К юбилею Александра Акулинина

Элегическое

Поздравляю друга и собрата.
День приходит с чашею зари,
Ну, а солнце в сторону заката
Уплывает, что не говори.

Ты чужие не носил одежды,
Не искал окольного пути.
Выручали вера и надежда...
Жизнь прожить – не поле перейти.

На краю, у берега крутого,
Ты скажи мне, кто же виноват,
Что не видно храма золотого, —
Только скверна каменных палат.

Я искал и не нашёл ответа,
Хоть судьба зачитана до дыр.
Впереди все дали без просвета.
Дай мне руку, Шурка Поводырь!

Мой Пегас, о камни, сбив копыта,
Тихо ржёт ночами при луне...
Пусть чиновник не глядит сердито.

Видно всё же, истина в вине.

Вот тебе рука моя и слово!

Коль застолье нынче не в чести.

Не прошу я, милый мой, хмельного

Ты чайком заморским угости.

Ужин комиссара подпись пол картиной

Стекало сало по сусалам,
Дрова облизывал огонь.
Дымил в глазах у комиссара,
Сжигая разум, алкоголь.

Российских пахарей рубака
Крыл подкидного дурака...
Как вошь возилась под рубахой
Бабёнки пьяная рука.

Сидел от пули бережённый
С лицом подобным кумачу.
Глухой отрыжки дух тяжёлый
Гасил подталую свечу.

А ночь дождями моросила.
Плечо оттягивал наган.
У ног безумная Россия
К дегтярным жалась сапогам.

На свадьбе

Дух народный, очнись и воскресни!
Над застольем глаза подними.
Забываются русские песни
В наши смутные горькие дни.

Я в деревне на свадьбе колхозной,
Там, где ломится стол от еды,
Где снежок осыпается звёздный
У крыльца двухэтажной избы.

Время спеть бы про месяц багряный,
Про кольцо, что на белой руке,
Только ящик орёт окаянный
На заморском своём языке.

Чья вина? Мы не слышим друг друга.
Вот сосед, он не ест и не пьёт,
Я кричу ему громко на ухо,
Я смеюсь, ну а он не поймёт.

Хлещет бич одичавшего звука.
Что случилось с деревней моей?
Где напева сердечная мука
Под мелодию русских полей.

Красен дом и хозяин спокоен,
И посуду не бьёт молодёжь,
Но утрачено что-то такое,
И названья чему не найдёшь.

Попросилось на улицу тело.
Коль душе всё равно не запеть...
Ах! Хорошее, милое дело
На морозе снежком поскрипеть.

Звёзды в небе стоят. Как иголки.
Не уйти. Не свернуть от судьбы.
На луну, как голодные волки,
Телеграфные воют столбы.

На родине в Бондарях

Как наступит пора сенокосная!
День разбудит струну шмеля...
Незабудка в пустыне космоса,
Неспокойная наша Земля.

Капля жизни во мгле пространства,
На исходе двадцатый век,
Час неровен и может случиться,
Я последний твой человек.

Свод небесный и твердь и воды
Запылают со всех концов,
Коль заступница мать-природа
Отворотит своё лицо.

Как взметнётся огонь прощальный,
Оборвётся струна шмеля,
Мир вернётся на круг начальный —
Станет дыркою от нуля.

У меня в окне куст сиреневый...
Соловьи на нём – без ума!
Как услышит себя Вселенная,
Коль захлопнутся свет и тьма?!

Неужели по следу ложному
Через тыщи и тыщи лет,
Пробивалась к нам искра Божия,
В Хиросиме, оставив след?

Расплодились вороны, – не соколы!
Сточных вод тошнотворен дух.
Мёртвым снегом вокруг да около
Тополиный витает пух.

Родничок здесь, что солнце пестал,
Пересох, словно в зной гортань...
Я стою на тропинке детства.
Пусто в поле в такую рань.

Сердце воли, простора просит,
Быт натягивает удила.
Наезжаю, всё реже в гости, —
Если б только одни дела!..

Пыль клубится, в дали продрогшей.
В норах берега крутизна...
Как юнцов не узнать подросших,
Мест отеческих не узнать.

Лишь всё тот же стрижиный говор,
Да берёза, как луч пряма.
А село моё, – вроде город.

Крупноблочные есть дома.

Городская кругом структура...
Сельхозтехники корпуса,
Клуб назвали – «Дворец Культуры»,
Хорошо ли – не знаю сам.

Громогласно отчёты пишем,
Будто слово – делу венец.
Соблазнённый большой афишей,
Я вчера посетил «Дворец».

Не ханжа я! И сам любитель...
Но хотелось бы всё же знать,
Как же топот под усилитель
Дискотекою называть?

Понимаю! Беги за модой...
Только всё-таки оглянись,
Не забыть бы, откуда родом,
Речку малую – Ломовис.

Чтоб окно не закрыли вещи,
Не застали б мать-отца...
Ведь у этой погони вечной
Нет предела и нет конца.

Соревнуясь, качаем недра,
Рубим лес и пускаем дым,

Поражение зовём победой,
С мощью атомной всё мудрим.

Скажем прямо – хвалиться нечем.
Не восполнишь былых потерь...
Берега уходящей речки,
Как разломы в земной коре.

Что уходит с полей крестьянин, —
Не про то теперь разговор!
Человек на земле хозяин,
А не жадный и беглый вор.

Вот опять за курганом дальним
Чей-то голос мне сердце жмёт, —
То ли плачет душа мироздания,
То ли ток в проводах поёт,

То ль дорога гудит крутая
Непроезжая на погост...
Над прощальным и страшным краем
Взял с отвала я малую горсть.

Плоть живая кричала от боли.
Умывалась печаль слезой...
В неподъёмной моей ладони
Уместился весь шар земной.

«Не бывает нитки без обрыва...»

Не бывает нитки без обрыва,
И конец имеет всякий путь.
Я стою у самого обрыва,
За обрыв не смея заглянуть.

Пронеслись, проехали колёса.
Был мой дух и волен, и высок...
Вышло так, что спелые колосья
Сыплют зёрна в щебень и песок.

На камнях не колосится нива,
И росой не плачут зеленыя...
Ты со мною не была счастливой.
Будешь ли счастливой без меня?!

«Не вечен я и мир не вечен...»

Не вечен я и мир не вечен.
Последний круг. Последний шаг...
Куда? Куда в субботний вечер
Часы с кукушкой спешат?

Воды спокойное зеркало,
Провинциальный вид в окне.
Звезды мерцанье. Созерцанье.
И конь, стреноженный во мгле.

Как будто не было прогресса,
И дни печали далеки,
И тянет сыростью из леса,
И вольным духом от реки.

На ветках белые наливывы
И сок холодный под корой...
В косом зачёсе конской гривы
Играет месяц молодой.

Пусть вечен мир. Пусть я не вечен.
Последний круг. Последний шаг.
Нежданной радости навстречу
Быть может, ходики спешат.

Меж селом и городом

Занавесочки, герани —
Окна смотрят молодо.
Вот они и стёрлись грани
Меж селом и городом.

Крупноблочный,
сборный,
важный.
Посредине улицы
Дом стоит многоэтажный
На закат любитесь.

Газ, вода, есть лифт,
А кроме —
Лоджии с балконами...
Три деревни в этом доме
Стали новосёлами.

В латы жаркие закован,
Запрокинув голову,
Голосит петух с балкона —
Ни к селу, ни к городу.

Отец

Слово – отец перекликается с больничной палатой,
С тяжёлым казённым зданием
Навечно впитавшим в себя запахи лекарств и страданий.

Вот он идёт маленький и тщедушный
По огромному бесконечному коридору.
Он так долго идёт, что я устал ждать и бегу к нему.

Но мы никак не можем встретиться...

Отец – надёжная крыша и стены,
запах морозного хлеба и табака.
Отец – крепкое верное слово.
Отец, вот мы и встретились...
Отец!!!

Скорбная тишина...

Отец и сын

Дымит картошка отварная.
Сверкает лук сольцой.
В родной избе, забот не зная,
Пирует сын с отцом.

Огонь вприсядку в печке пляшет,
Видать, он тоже рад.
Отец молчит. Не ест, а пашет,
Как леший бородат.

Его не словишь на мякине.
Он держит речь в узде.
За встречу чарку опрокинет
И – снова в борозде.

А сын сияет. Бровь подковой.
Лицом – интеллигент.
Всё тычет вилкой бестолково
В лиловый винегрет.

Он тянет шею, как в аркане,
В галстук с каймой,
Пристав к отцу: «Ну, спой, папаня!
Папаня, песню спой!»

Запел отец, рванув гармошку —
И где конец и край?!
В пустом стакане звякнет ложка,
Как в городе трамвай.

И, правда песни, как отравы,
Посередине дня...
«Ох, канава, ты канава.
Ты канавушка моя!»

Он пел отец. Уже смеркалось.
Лез месяц из щелей.
Звезда вечерняя держалась
У сына на щеке.

У колодца

Чтобы пить и не напиться —
Только дух перевести,
Попросил отец водицы
Из колодца принести.

А колодец тот под дубом,
Пол двухскатным шеломком,
Как изба с осевшим срубом,
Без дверей и без окон.

За рекою птичья стая
Репетирует отлёт...
Тает, тает – не растает
На щеке колючий лёд.

Расплясались видно нервы,
Иль шаги мои не в лад,
Что же так на всю деревню
Два пустых ведра гремят?!

Цепь холодную сжимаю.
Сердце ухаёт в груди.
– Поднимись, вода живая,
Из неведомых глубин!

Вижу я во тьме колодца
Свет забрезжил, как в окне...
То ли плачет, то ль смеётся
Там лицо моё на дне.

Старик

печь не уведут...
поговорка

Увели из дома печь.
Негде старому прилечь.

Негде сесть и негде встать —
Крыта кружевом кровать.

На столешницу стекла
Ваза чешского стекла.

Вон сервиз на сто персон
Улыбается, как сон.

Где хрусталь в алмазных жалах,
Там невесткина держава.

Громыхает неспроста
Вседержательница та.

Как с ровестником-годком,
Старый, — с Богом — шепотком:

«Ты забыл меня, как есть,
Вот он, Господи, я здесь!»

Нет иконы, – Бог не слышит.
Бес невестке грудь колышет.

Старика она корит.
И печалится старик.

Клонит голову с плеча
Догоревшая свеча...

Памяти матери

В отчий дом возвратился нежданный.
Сокол ясный на крыльях летел...
Почему же, как гость нежеланный,
Он стоял и молчал, и смотрел?

Перевидано всякое в жизни,
Но земля, как известно, кругла...
Вот она, дорогая отчизна! —
Два окна и четыре угла.

Печь к стене одинокая жалась.
Серый пепел. Огонь не горит.
Может, где-нибудь мать задержалась?
Надо двери в сенях отворить.

Он потрогал железо щеколды.
Отодвинул холодный засов...
Пролетели счастливые годы —
Вспять не движется стрелка часов.

Только бросился ветер под ноги
У плетёной кривой городьбы.
Только выюга на белой дороге
И его засыпает следы.

Песня о старом доме

Опустело крыльцо под весёлою белою вишней,
Заколочены рамы. Пустынно кругом.
И оторванной жостью бьёт о воздух беспомощно крыша,
Как весенний подранок перебитым крылом.

Горла труб водосточных пересохли от горя и жажды.
Птицы в небе высоком летят и летят.
К молодому хозяину возвратятся былые надежды,
И заставят однажды помолчать у крыльца.

Молодого хозяина будет мучить далёкая память,
Зов родимой земли и весенних певучих полей...
Печь гудела в ночи, и металось по горнице пламя,
Словно сняты уздечки с горячих и рыжих коней.

Прошлогодня осень ни в чём не хотела скупиться:
Вязли в лужах дожди, и дорога была тяжела...
Но сегодня весна! И хозяину только за тридцать.
Под весёлою вишней стоит молодая жена.

На лесах новостроек хозяину мнилась дорога.
У дороги – деревня и дом на краю...
И его ли вина, что ходил он со временем в ногу.
Пел в бараках те песни, что нынче уже не поют.

Не печалься изба,
Дай приют воробью и вороне...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.